

Литтмегалина

ОМУТ

18+

Страна Богов

Литтмегалина

Омут

«Автор»

2004

Литтмегалина

Омут / Литтмегалина — «Автор», 2004 — (Страна Богов)

После самоубийства своего брата Делефа, Силена находит его дневник, из которого узнает о задании, оказавшемся для него роковым... Как сотрудник «Серебряной Лисицы» Делеф выезжает в маленькую деревушку, затерянную среди угрюмого леса, с целью устранить опасную призрачную сущность, обращающую тела своих жертв в один сплошной кровоподтек. Но его главными противниками станут люди.

© Литтмегалина, 2004

© Автор, 2004

Содержание

1. Силена	5
2. Делеф	14
12 сентября	15
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Литтмегалина

Омут

1. Силенна

Что заставляет человека выбрать одиночество, разрушить себя и убить себя? Мне никогда не понять самой. Он мог бы объяснить, но предпочитал молчать. Я не могу и не хочу представлять, как он упал в холодную осеннюю воду, но мне нужно знать, что толкнуло его в спину. Я измучила себя, но тайна оставалась тайной.

И вот теперь разгадка в моих руках. Я не решаюсь в эту минуту, но решусь в следующую прочесть неровные, усталые строки.

Делеф приехал за три недели до того, как я обнаружила его красную записную книжку в почтовом ящике. Он так и не рассказал мне, что его погубило, но, если он положил книжку в почтовый ящик, прежде чем уйти навсегда, значит, он все-таки хотел, чтобы я узнала эту историю.

Его поезд прибыл вечером; против обыкновения, без опоздания. Немногочисленные сошедшие в нашем захолустье пассажиры как-то сразу все разошлись, и Делеф в одиночестве дожидался меня на платформе, вымощенной разноцветными мраморными плитами. Он стоял, опираясь на трость и широко расставив ноги, словно опасался, что резкие порывы ветра, снующие по платформе, могут его опрокинуть. Ветер развевал и пытался сорвать с его шеи бледно-зеленый шарф. Хотя на лице брата было обычное для него непроницаемое выражение, мне подумалось, что он выглядит потерянным и несчастным.

Заметив меня, Делеф поднял руку в приветствии и неуверенно зашагал мне навстречу. Он упоминал в письме, что теперь ходит с тростью и немного прихрамывает. «Однако, – он уверял, – скоро все пройдет». При виде его истаявшей фигуры я поняла, что вряд ли перелом был таким пустяковым, как он пытался его представить.

Я подбежала к Делефу и обняла его, ощутив выступающие ребра сквозь тонкий, не по погоде, свитер. Первое и последнее прикосновение. Максимум, что мой брат был согласен выдержать.

– Делеф...

– Нет, – оборвал он все грозящие обрушиться на него вопросы. – Домой.

Он всегда говорил так, что его сложно было послушаться.

Как только мы сели в мою машину, хлынул дождь. Делеф попытался улыбнуться.

– Если бы ты только знала, как я хотел оказаться дома.

– Знаю, – ответила я. Во мне радость смешивалась с грустью.

Я повернула ключ, и двигатель тихо заурчал. Пять минут от вокзала мы плавно скользили по гладкому асфальту, затем свернули на грунтовую дорогу, и машина запрыгала по колдобинам. Чудные провинциальные дороги, но я знаю: Делефу здесь нравились даже они. На него летели капли дождя. Он не замечал их. Его глаза были прикрыты. Я потянулась через него и подняла окно до упора.

– Делеф, если бы тебя не тревожила моя реакция при встрече, ты вообще рассказал бы мне о своем увечье?

– Не думаю, что это важно.

– Будь мне известно, в каком ты состоянии, я бы приехала к тебе на помощь.

– Ты была занята разводом, и потом, твои цветы не могут без тебя.

– Не то чтобы действительно занята. Мы решили разойтись мирно, так что все прошло без проблем. И я бы нашла кого-нибудь присмотреть за оранжереей, хотя бы на пару дней, – возразила я.

Делеф не ответил, потому что знал все это сам, так же как я знала, что у его молчания были другие причины, нежели желание уберечь меня от лишних забот.

Я посмотрела на дорогу. Размытая дождями, она убежала в стущающуюся темноту. Лужицы поблескивали, как осколки потускневших зеркал. В преображающих сумерках деревья казались синими. Я представила Делефа, заточенного в белую больничную палату, в которой никто не навещает его, и нахмурилась.

Дыхание Делефа было тихим, осторожным, словно каждый вдох причинял ему боль.

– Что с тобой? – спросила я. – Ты болен?

– Здоров.

«Ну конечно», – подумала я. Хромота была лишь внешним выражением его травмы. Было что-то еще. Что-то, что простиралось глубоко внутрь. Во мне раскручивалось тревожное чувство. Я хотела бы игнорировать его, но оно требовало себе все больше пространства с каждым новым витком.

Делеф коснулся висков кончиками пальцев. Я заметила, что от манжеты рукава тянутся нитки. Еще одна странность в этот жутковатый вечер – мой брат был из тех, кто следит за своим внешним видом в любой ситуации и в любом состоянии.

– Я устал. Но здесь мне вскоре станет лучше, я уверен.

– Ты скверно выглядишь, – указала я. – У тебя даже щеки впали. Неприятности на работе?

Где еще у него могли быть неприятности.

– На работе, – медленно повторил Делеф, как будто вспоминая, где это вообще. – Нет, нет. Я ушел с работы.

Нас занесло на повороте. Солнцу легче было начать вращаться в другую сторону, чем Делефу бросить его работу. Я выровняла машину и растерянно сцепилась взглядами с собственным отражением в зеркальце, прикрепленном над ветровым стеклом.

– Что? Ты уволился?

Делеф, не отрываясь, смотрел в окно, в холодный октябрьский вечер, сменяющийся ночью.

– Ты можешь хотя бы... – начала я и замолчала, вдруг осознав, что Делеф меня не слушает.

Утром, когда Делеф спустился в кухню к завтраку, он выглядел несколько лучше, но все равно взъерошенным и нездоровым. На нем был старый бежевый свитер, чьи длинные растянутые рукава закрывали его худые руки едва ли не до кончиков пальцев.

На правом предплечье, с внутренней стороны, у Делефа был шрам. Я никогда не спрашивала брата, как шрам появился у него, зная, что это связано с его работой. Однажды, когда я еще не уяснила, что работа – это закрытая (вернее, запертая на семь замков) тема, Делеф сказал мне: «Ты имеешь право задавать мне вопросы, но я не имею права на них отвечать». Вроде бы он являлся кем-то вроде следователя, но больше я ничего не добилась и, смирившись с тем, что Делеф – крепость, оставила попытки прорваться сквозь его каменные стены (как все смирились, я думаю). Я бы заподозрила, что он ввязался во что-то нечистое, но он был слишком щепетилен для этого.

Делеф сел за стол, и я поставила перед ним чашку кофе и гренки.

– Спасибо, – голос Делефа прозвучал так мягко в моей крошечной кухоньке.

Я ощутила прилив нежности к брату. Хорошо, что он снова со мной. Мне не хватало его каждый день, когда его не было рядом. А порой и когда был.

Делеф мягко накрыл чашку рукой, чтобы тепло поднимающегося от кофе пара согрело его пальцы. В старом ветхом доме было холодно, почти так же, как на улице.

– Тебе не бывает одиноко? – спросил Делеф.

Два месяца назад моя дочь Митра уехала в университет в Торикине. Она выбрала геологию. Предмет, казавшийся мне столь же скучным, как дочери мое увлечение цветами.

– Нет, – я рассеянно улыбнулась, – У меня слишком много подруг с их вечными проблемами, которые необходимо обсудить. Митра звонит два раза в неделю. И не забывай про клиентов. Людям мало купить красивые цветы. Они жаждут пообщаться, пока я составляю для них букет. Некоторые приходят дважды в неделю. Особенно пожилые. Подозреваю, в разговорах они нуждаются больше, чем в цветах. Так что одиночество для меня – в некотором роде роскошь.

Делеф кивнул с видом человека, сомневающегося, что для кого-то одиночество может быть роскошью. Для него оно было обыденностью. Подобно воздуху, оно всегда незримо окружало его. Я никогда не понимала брата хорошо, а лишь настолько, насколько он позволял себя понять. Едва ли у меня был другой человек, столь близкий и столь далекий одновременно. Однажды он попытался объяснить мне свою жизнь: «Я холоден». Я сомневаюсь, что он приво-дил кого-либо кроме меня в свою маленькую квартирку в Торикине. В ней было две комнаты. Одна совершенно пустая. Сесть в ней можно было только на пол. Украшали ее только пузыря-щиеся обои и крюк для люстры. С его заселения десять лет назад и до настоящего времени комната так и оставалась пустой.

Иногда я пыталась представить себе один день из жизни моего брата: чем он занимается; куда идет; с какими людьми общается; о чем он думает, прежде чем уснуть. У меня никогда не получалось. Если ему и доводилось испытывать привязанность, влюбленность, хотя бы более приземленные физиологические страсти, мне об этом было неизвестно.

Делеф безразлично жевал гренок. Он не демонстрировал свое отчаянье, но оно истекало из него мутным потоком.

– Делеф, что ты ешь?

Он опустил взгляд на гренок.

– Гренок.

– А если бы ты не посмотрел, ты смог бы ответить?

– В любом случае я уже посмотрел.

Мне лучше бы было не спрашивать, однако я все-таки спросила:

– Почему ты ушел? Надоело?

Делеф пожал плечами. Воспринимай это как хочешь.

Я догадалась. Просто вдруг выступило из общей неясности, будто встречный прохожий из тумана.

– Ты где-то ошибся?

Брат долго, пронзительно посмотрел на меня. Хотя в кухне горел яркий электрический свет (утро выдалось пасмурное), зрачки Делефа были расширены, как плоски, оставляя лишь тоненькую синюю кайму его радужек.

– Нет, – после ощутимой паузы ответил он. – Правильнее объяснить это тем, что я допу-стил *неосторожность*.

– Что за неосторожность?

Делеф жевал все тот же гренок, заторможенно двигая челюстями. Мне захотелось подойти, схватить его за плечи и трясти, заставить говорить до тех пор, пока моя тревога не рассеется, как сигаретный дым. Впрочем, у меня есть сомнения, что его рассказ смог бы меня успокоить. Скорее уж наоборот.

– Я не могу это обсуждать, – механически выдал Делеф свою неизбежную фразу и встал из-за стола.

Я в бессилии закрыла глаза. Когда я открыла их, длинная фигура брата переместилась к окну. Делеф приблизил лицо к стеклу так близко, что почти коснулся его носом. Мне не обязательно было смотреть, чтобы видеть знакомый пейзаж. Столь привычная картина: грустный, мокрый в этот сумрачный день садик, несколько яблонь с потемневшей и изрядно поредевшей листвой, кусты шиповника, клумбы с умершими цветами (хм, давно пора бы убрать эти бурые стебли), дорожка, посыпанная песком и кирпичной крошкой. Но таким это видела я. Не знаю, что представало взору Делефа.

Когда он заговорил, его голос был бесцветен и вязок, как глицерин.

– Здесь все по-другому. В нашем доме, вокруг него. Даже воздух другой. Настоящий покой. У меня появилась надежда. Здесь мне станет легче. Уже легче. Может быть, я даже совсем излечусь.

«Совсем излечусь».

Он повернулся ко мне.

– Прогуляемся?

Я согласилась. Делеф поднялся в свою комнату переодеться. Через десять минут я зашла к нему. Делеф все еще возился. Его чемодан был раскрыт, вещи перевероршены. На кровати валялся скомканный темно-синий свитер, в котором он прибыл вчера.

– Кажется, у меня нет чистой рубашки, – объяснил Делеф, не оборачиваясь.

Процесс осознания произошедших в нем грандиозных перемен завершился. И это Делеф, который менял носки дважды в день, аккуратно вешал одежду на вешалку, всегда клал вещи на места и никогда не оставлял в раковине грязную посуду.

Размышляя об этом, я стояла возле его чемодана. Флакон из коричневого стекла блеснул среди груды разномастных носков. Я наклонилась и взяла его. Внутри просматривались продолговатые таблетки. Я посмотрела на этикетку. Знакомое название. Где я могла его слышать?

Делеф не нашел чистую рубашку и натянул синий свитер поверх несвежей вчерашней.

– Что это?

Он оглянулся. На свитере сбоку мохрился шов.

– Свитер наизнанку. Переодень. Что это за лекарство?

Делеф потянул свитер вверх. Сквозь ткань его голос звучал приглушенно.

– Просто... что-то вроде витаминов.

– Я вспомнила, – сказала я. – Моя подруга это принимала после смерти ее матери. Это антидепрессант.

– Нет, – возразил Делеф. – Легкое успокоительное, всего-то.

Я нахмурилась. Делеф делал вид, что заблудился в свитере.

– Она говорила, это сильное рецептурное лекарство. Зачем оно тебе?

Делеф наконец справился со свитером и проковылял к выходу из комнаты, оставив мой вопрос без ответа. Я последовала за братом. Неуклюже спустившись по лестнице, он распахнул дверь и в той же осторожной манере одолел ступеньки крыльца. Мне было больно наблюдать его скованные, неловкие движения.

Я прикрыла за собой дверь, не запирая ее, и привычно, не задумываясь, сунула пальцы в прорезь почтового ящика. Ежедневная газета, профессиональный журнал «Розовая оранжевая», письмо – не от Митры. Она не писала писем, предпочитая позвонить, а Делеф наоборот.

Я заберу почту, когда мы вернемся.

Трость Делефа проминала круглые выемки на мокрой размякшей дорожке. Я посмотрела в его сутулую спину, и он неосознанно дернул плечом, почувствовав мой взгляд.

– Поэтому у тебя такие расширенные зрачки, – догадалась я. – Сколько таблеток ты принимаешь в день?

– Пять, может быть шесть, – неохотно признался Делеф.

Моя подруга принимала одну утром. Происходящее с моим братом пугало меня все больше. Я сровнялась с ним и взяла его за локоть. Делеф упорно глядел только себе под ноги.

– Я не думаю, что нам следует продолжать этот разговор, – сказал он виновато.

В который раз за свою жизнь я подумала, что его скрытность мучительна.

– Но я хочу поговорить об этом, – резко возразила я, и Делеф все-таки, пусть мимолетно и искоса, посмотрел мне в глаза.

Он сдался сразу. Это было совершенно ему не свойственно, но он был слишком изнурен.

– У меня было что-то вроде долгого приступа плохого настроения. Потом ситуация усугубилась, и я понял, что лучше прибегнуть к помощи медикаментозных средств.

– У тебя был нервный срыв?

– Да, – сонно согласился Делеф.

– После увольнения?

– Нет. Да. Из-за этого я ушел.

– Почему ты не рассказал мне?

– Я способен самостоятельно решать свои проблемы. Незачем попусту тебя тревожить.

– Кто назначил тебе лечение?

– Я сам его себе назначил.

– С каких пор ты разбираешься в психиатрии, Делеф?

– В собственных ощущениях разбираюсь только я, – в интонациях Делефа сквозило раздражение.

– Когда все это началось? – спросила я мягче, чтобы не провоцировать конфликт.

– Смотря что считать началом. В начале лета? В сентябре?

У меня разболелась голова. Я едва удерживалась, чтобы не закричать на брата. Его бессмысленное упрямство доводило меня до белого каления.

– Почему ты такой, Делеф? Почему не можешь признать, что у тебя неприятности? Зачем доводишь себя до критического состояния?

Делеф мотнул головой.

– Ты не понимаешь. Мне удалось в какой-то степени справиться с этим. Таблетки хорошо помогают, Силена, надо только иногда увеличивать дозу.

– Хорошо помогают? Это, по-твоему, улучшение?

– Ты же не видела, что творилось со мной прежде, – возразил Делеф.

Как будто подобные заявления способны меня успокоить...

– И сколько еще ты намерен увеличивать дозу? Вот именно, что это таблетки, а не конфеты. Ты можешь умереть из-за них, об этом ты подумал?

Он не нашелся, что ответить. Голый прут кустарника царапнул мое бедро, и я осознала, что мы давно покинули пределы сада и бредем по мокрой траве, не думая куда... Я вдохнула холодный влажный воздух и подняла воротник плаща. Конечно, я держала подобные опасения при себе, но иногда мне приходило в голову, что с моим младшим братом в принципе что-то серьезно не так.

Мы шли, держа дистанцию там, где позволяла ширина пути. Думаю, мы были обижены друг на друга. В битве за понимание мы оба проиграли. Под травяным ковром хлюпала грязь. Делеф сгорбился еще больше и казался ниже ростом.

– Я же приехал. Значит, я хочу, чтобы мне стало легче, – тихо произнес он спустя несколько натянутых минут.

– Да, хочешь, – примирительно согласилась я. – Но одного желания мало. Ты должен обратиться за помощью к специалистам.

– Ты не понимаешь. Никто не может помочь мне.

Мы прошли мимо полуразрушенной каменной стены. Я была задумчивой и грустной, Делеф мрачен. Вдруг я остановилась как вкопанная.

– Куда это мы забрели? – пробормотала я, осматриваясь.

Тоскливое место. Дальше от стены оставались лишь разбросанные по земле каменные блоки. Среди блоков поблескивали темно-зеленые бутылочные осколки. Разросшиеся кусты, преградившие путь, походили на странных, теряющих бурую шерсть зверей, выбравшихся из земли в последние дни их жизни.

А в *тот день* они были полны сил...

Чувство узнавания сопровождалось холодком, пробежавшим вниз по позвоночнику.

– Я помню это место, – застыв, медленно произнес Делеф. – Мы играли здесь в детстве.

– Повернем обратно. Там...

Но Делеф уже торопливо продирался сквозь заросли.

– Нет, Делеф! – позвала я. – Вернись! Там омут!

Еще мгновенье я видела его синий свитер, мелькающий за темными ветками. Потом Делеф исчез. Я бросилась за ним, царапаясь и пачкая плащ. Я всегда чувствовала, что моему брату не следует приближаться к омуту. В тот день тоже. Но я не смогла остановить его, хотя ему было семь лет, а мне уже двенадцать, поэтому просто побежала за ним, как сейчас.

Делеф стоял на берегу и смотрел в воду, всю засыпанную листьями со склоненных над омутом деревьев.

– Уйдем отсюда, – попросила я.

– Подожди немного. Все-таки мы так давно здесь не были. Двадцать семь лет. Почти жизнь.

– Не уверена, что я соскучилась.

У Делефа было странное выражение на лице. Ненавидящее, испуганное, зачарованное. Он стоял слишком близко к краю.

– Лучше тебе отступить на шаг, – сказала я. – Берег скользкий.

– Он выглядит таким безмятежным, мирным. Омут, – прошептал Делеф. – Он снился мне пару раз, – опасно наклонившись, Делеф попытался дотянуться до воды тростью.

– Что ты делаешь? – воскликнула я, вцепившись в него и оттаскивая. – Хочешь окунуться?

Он все-таки коснулся поверхности тростью, и там, где он это сделал, листья разошлись и открыли воду, такую же черную, как расширенные зрачки Делефа. Мне даже померещилось, что я увидела в них отраженные листья.

– Уйдем, пожалуйста. Я не знаю, зачем тебе понадобилось приходить сюда. Ты же всегда ненавидел омут, Делеф.

– Ты помнишь, как я свалился? – спросил Делеф, не слушая меня.

Я не могла забыть. Если бы я не решилась броситься вслед за братом, если бы я не справилась, он бы утонул. Я хорошо умею плавать, а Делеф совсем не умеет и до самой смерти так и не научится. На секунду я увидела ту несчастную себя, что потенциально могла существовать – сначала девочку, плачущую на берегу, затем молодую девушку, оставшуюся в старом, продуваемом сквозняками доме в полном одиночестве, последняя из семьи. Я поспешила прогнать ужасные видения.

– Омут будто бы звал меня. Вода была гладкая, ни единой морщинки, плотная. Казалось, можно шагнуть на нее и пройти до другого берега, а она даже не качнется под ногами. Я стоял на берегу, а момент спустя понял, что я уже в воде, что я погрузился с головой. Омут обманул меня. Он не был надежным. Он схватил меня за ноги и потащил вниз. Он хотел проглотить меня. Я чувствовал абсолютную беспомощность. Понимаешь, как это?

Я сама в воде омута не ощутила ничего сверхъестественного. Только холод и страх, вгрызающиеся до самых костей.

– Я... я не знаю. Может быть, тебе почудилось. Ты был испуган.

– Я не был испуган.

– Ну, не знаю... Существуют подводные водовороты? Ты попал в течение. Твое детское воображение внушило тебе, что омут пытается тебя утопить. Уйдем отсюда, – я потянула его за руку.

На этот раз Делеф не пытался сопротивляться или спорить.

Мы оба были подавлены. На тусклое солнце напозла огромная, налитая водой туча, и стало темно, как в сумерках. Мы продрогли до костей, пока добрались до дома. У Делефа сильно разболелась поврежденная нога.

Дома я сварила Делефу кофе, принесла ему плед, и он закутался в него до носа, все еще дрожа от холода. Он попросил принести ему какую-нибудь книгу, и я долго выбирала что-нибудь повеселее. Делефу как будто бы стало лучше, но за обедом я заметила, как он украдкой проглотил таблетку и запил ее соком из своего стакана. Я подумала, не развилась ли у него уже физиологическая зависимость.

Вечером позвонила Митра.

Делеф поднял трубку и прежде, чем передать мне, поговорил с Митрой некоторое время. Они не были близки, только я их и связывала. Хотя оба теперь проживали в Торикине, они ни разу не встретились пообщаться, но в целом относились друг к другу доброжелательно.

Делеф разговаривал совершенно нормальным тоном.

– Мама, – услышала я жизнерадостный голос Митры, когда взяла у Делефа трубку. – Нам сказали, что летом мы отправимся в настоящую экспедицию!

Мы проболтали с ней минут двадцать. О почте, оставшейся в ящике, я так и не вспомнила.

За последующие пять дней Делеф сократил количество принимаемых в день таблеток до трех. То есть так он сказал мне. Я надеялась, что ему стало лучше, но не могла отделаться от сомнений.

Прежде он умел передвигаться по дому совершенно бесшумно, ни одна расколотая половица не скрипнет («Ты призрак, Делеф, а не человек», – говорила я ему). С травмированной ногой он, конечно, утратил эту способность. По тихому постукиванию его трости я могла понять, в какой из комнат он бродит сейчас. Обычно он проводил время в библиотеке. Нашел почти все наши детские книжки.

В моей оранжерее Делеф помогал мне с цветами. Он знал название каждого из них – не потому, что интересовался ими, а потому, что они были столь важны для меня. Среди цветов он сам казался уязвимым и хрупким, как орхидея.

Порой у меня возникало ощущение, что мы вернулись в прошлое, когда ничто не разделяло нас. Не в прозрачные, как просвеченные солнцем лепестки, времена, когда наши родители были еще живы, а в год после их внезапной смерти...

В тот вечер, закончившийся нашим сиротством, папа и мама по обыкновению пошли прогуляться перед сном. К десяти они должны были вернуться, но задерживались. Мне было тогда двадцать, а Делефу пятнадцать. Мы сидели на подоконнике, смотрели в окно (темнота была темно-фиолетовая, на небе черными полосами виднелись облака) и ждали, а родители не возвращались.

В час ночи мы взяли папин фонарь и пошли искать их. Безуспешно. Делеф заплакал – это был последний раз, когда я видела его слезы. Ему было очень стыдно, ведь он мнил себя взрослым, но мы оба уже понимали к тому моменту, что случилось что-то очень плохое. Я

не знала, что нам делать, поэтому позвонила друзьям родителей, вытащив их из постели. Они приехали и, в свою очередь, вызвали полицию.

Папа и мама были обнаружены утром. Далеко от их обычного маршрута. Что увело их с привычного пути? Они спокойно лежали на траве, рядышком. Их глаза были открыты, в них – ни боли, ни страха.

При вскрытии обнаружились повреждения внутренних органов, что могло быть следствием тупой травмы, но ничто больше не указывало на насильственную смерть. Полиции не удалось выяснить обстоятельства произошедшего, и со временем я смирилась с мыслью, что, видимо, никогда не получу ответов. Делефу же не давала покоя тайна гибели родителей, она терзала и жгла его изнутри еще много лет. Он немного успокоился, только когда сам обзавелся тайной – его засекреченной работой.

Когда мы – скорбная уполовиненная семья – остались вдвоем с Делефом, дом начал казаться нам слишком большим. Я до сих пор помню ту особенную гулкость комнат и нас, маленьких и притихших в ней. До трагедии мы с братом не были особенно близки, но общие печаль, потеря и тревога связали нас накрепко. К тому же, лишившись родителей, люди оказываются перед необходимостью резко повзрослеть и отныне отвечать сами за себя. Я, как старшая сестра, стала для Делефа последним тонким заграждением от враждебного внешнего мира, требовавшего от него решительности и смелости, на которые в тот момент у него не находилось сил.

Никто не любит меня больше Делефа, даже Митра, и дело не в том, что наши с ней отношения недостаточно близкие – но Митра кроме меня любит своего отца, своих друзей и своего мальчика. Делеф... иногда я чувствую эгоистичную гордость, и все же... мне бы хотелось, чтобы он любил хоть кого-то еще.

Ощущение близости к Делефу и робкий мир в моей душе были разрушены вечером среды, когда Делеф спустился в кухню, взвинченный и мрачный. Я испугалась, что опять у него все пошло наперекосяк, и быстро спросила:

– В чем дело, Делеф?

– Она что, совсем исчезла? – спросил Делеф. – Я не могу найти ее. Книгу. Там на обложке нарисована синяя лошадь.

Я рассмеялась.

– Сам ты синяя лошадь, Делеф.

– Я сказал что-то смешное? – удивился он.

И тут я заметила, что его глаза черны, как ночные озера.

В то финальное утро я увидела Делефа уже одетым, стоящим у распахнутой двери с висящим за ней зыбким белым туманом.

– Куда ты? – спросила я.

– Прогуляться, – безмятежно ответил Делеф.

– Дождь собирается, – возможно, его ранняя прогулка и удивила меня, но мне требовалось его отсутствие. Я собиралась кое-что проверить.

Делеф вышел на крыльцо и скептически посмотрел в закрытое тучами небо.

– Я успею вернуться до начала. Дождливое лето, дождливая осень, – рассеянно проборотал он и, сунув руки в карманы брюк, ссутулился.

– Ты же любишь дожди.

«Уходи, – думала я. – Дай мне возможность проверить, действительно ли тебе лучше».

– Да, – равнодушно согласился Делеф. – Мне нравится дождь.

Хромая и опираясь на трость, он пошел прочь по посыпанной красноватым песком дорожке.

Позже я пожалела, что наши последние слова друг другу были столь пусты. В пижаме я стояла возле дверного проема и смотрела брату вслед. Опасные мысли звучали в моей голове: бессмысленно останавливать его, как бы мне этого ни хотелось. Если ему стало лучше, он вернется. Если его внешнее улучшение было лишь внешним, он уйдет не сегодня, так завтра. Я не смогу сберечь его.

Мой брат был из тех людей, которые, не умея плавать, даже не предпримут попытки научиться. А я всегда была для него *старшей* сестрой. Я слишком опекала его, так же как прежде наши родители. В этот раз я должна была позволить ему самому принять решение.

Я поднялась в комнату Делефа и вытащила из-под кровати его чемодан. Копаться в вещах в отсутствие владельца – несомненно непорядочный поступок, но Делеф никогда не был искренен со мной, и я чувствовала, что заслужила реванша. Но чемодан оказался пуст. Конечно, Делеф уже давно разложил свои вещи в шкафу, как я не подумала об этом сразу.

Я принялась обшаривать ящики. Знакомый флакон из коричневого стекла лежал в самом нижнем, поверх стопки маек. Мне показалось, что на гладком стекле еще сохранилось тепло пальцев Делефа. Я заплакала. Три таблетки в день, Делеф? Прошлый раз флакон был практически полон. Сейчас в нем осталось не больше десятка таблеток. Громко всхлипывая, я перевернула весь ящик и нашла еще два початых флакона. Пряча, Делеф запихнул их в носки.

Я все-таки побежала за ним. Но его уже не было на берегу омута. На этот раз я не успела. Вновь сойдясь, опавшие листья закрывали воду.

Возвращаясь к дому, я сильно замерзла, так как, выбегая, только накинула плащ поверх пижамы. А на ногах у меня домашние шлепанцы, обнаружила я с удивлением. Должно быть, я выглядела как беглая пациентка психиатрической клиники, но это было последнее, что меня волновало.

Я взяла книжку для записи телефонных номеров. Почти все ее страницы были заполнены, но мне не были нужны номера, написанные карандашом. Я набрала один из напечатанных красной типографской краской на первой странице.

– Да, – произнес прохладный официальный голос.

– Мой брат совершил самоубийство, – сказала я в трубку таким ровным тоном, как будто уже давно знала, что этот день настанет, и была в некоторой степени готова. Затем я продиктовала свой адрес.

Мне задавали вопросы, но не слишком много. Я отдала им три флакона с таблетками. На этикетках флаконов стоял штамп аптеки, и я мстительно подумала, как засыплется теперь тот, через кого Делеф достал эту дрянь.

Его тело не смогли отыскать, до самой темноты провозившись у проклятого омута, оказавшегося глубоким, как бездна. И Делеф был там, на самом дне, куда его утащили подводные потоки.

Так завершилась история моего брата.

Я вспомнила о «Розовой оранжерее» и о письме только тогда, когда почтальон, не сумевший впихнуть в переполненный почтовый ящик очередную ежедневную газету, положил ее на коврик перед дверью. Опустошая ящик, я извлекла записную книжку и, узнав мелкий угловатый почерк Делефа, прижала ее к груди. На секунду меня ослепило видение черной воды, глянцеви́то поблескивающей, как нефть.

2. Делеф

[Первые двадцать – тридцать страниц записной книжки вырваны.]

...что смогу продолжать это долго.

Как я устал от боли. Обезболивающие не снимают ее полностью, лишь снижают интенсивность. Но ее постоянство вкупе с ощущением, что никуда мне от нее не деться – это самое худшее. Неужели когда-нибудь закончится? Проще умереть, чем поверить.

Жара доконала. Такая сильная – это дикость для Ровенны. После короткого дождя с земли пар.

Ненавижу.

12 сентября

Вынужденное бездействие не пошло мне на пользу. Я окончательно одичал и стал горьким, как хина. Одна мысль, что придется снова вступать в социальные взаимодействия, вымучивая из себя вежливость и хотя бы минимальную вовлеченность, вызывает тошноту.

Утром я разговаривал с Матиушем и пытался отказаться от вызова. Я сказал, что все еще не чувствую себя в достаточной степени восстановившимся.

В ответ Матиуш сослался на заключение врача СЛ, согласно которому я уже настолько здоров, что мог бы отправиться на соревнование по бальным танцам.

Я указал на свою трость взглядом, сочащимся сарказмом.

С заметным усилием Матиуш подавил свое желание высказаться. Тем не менее его мысли были практически зримы, витая над его головой: «Ты сам виноват в произошедшем, Делеф. Не обстоятельства, а твои безответственность и рассеянность позволили этой зверюге вывести тебя из строя на столь долгое время как раз в период, когда на нас навалилась лютая дичь. Это был рядовой случай, и все шло как обычно, а ты работаешь в отделе уже двенадцать лет. Ты облажался».

– Доктор настаивает, что у тебя нет никакой физиологической причины, чтобы продолжать хромать.

– Не иначе как меня заставляют мои собственные извращенные предпочтения, – язвительно фыркнул я.

– Тебе же выплатили компенсацию за увечье, – напомнил Матиуш, пытаясь меня утихомирить.

А существует ли компенсация за боль, за бессонные ночи и ночи, полные кошмаров, за неподвижные дни и тошноту, вызванную интоксикацией печени обезболивающими?

– Порой компенсация не компенсирует, – бросил я.

Матиуш решил, что мое недовольство вызвано малыми размерами суммы, и разразился занудной речью на тему нехватки финансирования. Мог бы и не расплытаться. Все, что он мог сказать по этому поводу, я давно знал наизусть. Я выслушивал подобное каждый раз, как обращался к нему с жалобой, что после очередного ливня на стол в моем кабинете капает вода. Все проклятое здание СЛ трещит по швам.

– Тем не менее я похлопочу, чтобы тебе повысили зарплату, – торжественно завершил свою тираду Матиуш, видимо, пытаясь убедить меня, что ради столь ценного сотрудника он готов пойти на невиданные подвиги.

– Мне все надоело, – огрызнулся я.

Глаза Матиуша раскрылись шире.

– Надоело, – покорно согласился он. – Я выбью тебе отпуск, Делеф, я обещаю. Возвращайся, и я переговорю с Медведем. Но ты поедешь, да? Сейчас у нас нет возможности отправить другого.

– Неужели все заняты?

– Все заняты.

– Что случилось?

– Ты знаешь, у нас настала черная полоса... – промямлил Матиуш, отводя взгляд.

– Киношник вернулся? – перебил я его.

– Да, – неохотно подтвердил Матиуш.

– Сколько на этот раз?

– Молодая пара. Семья с ребенком. Все в один день.

– И как долго он продолжит убивать?

– Мы пытаемся остановить его.

– Поэтому ты отсылаешь меня, Матиуш? – осведомился я. – Чтобы я не вмешивался в расследование?

– Существует одна веская причина, по которой тебе не позволено участвовать.

– Даже две. Мой отец. Моя мать.

– Ты знаешь правила. Никакой личной вовлеченности в следствие.

Что может быть более личным, чем месть. Когда я только заступил на свою должность в СЛ, мною владела юношеская убежденность, что однажды я заставлю убийцу моих родителей понести наказание. В последующие годы не всегда успешной работы моя наивность сползала с меня, как кожа с линяющей змеи. В итоге от меня остался один скелет.

– Впрочем, какая разница, – горько бросил я. – Вы ничего не добьетесь. Руки короткие.

– У тебя упаднические настроения, Делеф. Видимо, тебе действительно необходим дополнительный отдых.

– А что, есть основания для оптимизма? Посмотри, что происходит в последнее время. На каждое чудовище, что мы одолели днем, за ночь нарождается три новых.

– «Серебряная Лисица» справлялась в течение многих веков и...

– Она не справлялась. У нас просто нет ресурсов. От вычерпывания моря ложками оно не уменьшается.

– Делеф...

– Признайся себе. У нас нет контроля над этой страной. Наша деятельность ничего не меняет. Она бессмысленна.

– Делеф, я понимаю, что тебе не хочется ехать. Но это уже чересчур. Возьми себя в руки. Сконцентрируйся. Поезжай и выполни свою работу.

Я кивнул, без энтузиазма признавая его правоту.

Матиуш передал мне материалы по делу, и мы обсуждали их некоторое время. В моей груди не таял ком льда. Нет, я стремился избежать этой поездки вовсе не по причине моего скверного физического состояния или паршивого ментального. Пожалуй, я определю свои ощущения как дурное предчувствие.

Поколебавшись, я все же высказал свои опасения Матиушу. Он рассмеялся и ответил, что я проникся мистикой. Я спросил его, как в моем случае не проникнуться мистикой. Матиуш запнулся. Я попытался объяснить ему (он идиот, но неплохой парень): от меня отвернулась удача, меня одолела апатия. Иногда мне ничего не хочется знать, не нырять снова и снова в эту воду, она слишком глубока для меня. Хочу просто жить в неведении, как все – это понятно? Меня сорвало.

Матиуш, хоть и оторопел от такого потока слов с моей стороны, все же выдавил из себя неискреннюю сочувственную улыбку. По его глазам я понял, что подобное он слышал уже раз сто, и оно все меньше и меньше его трогает. Выгорают все. Это просто вопрос времени. У Матиуша свои обязанности и свое начальство, которые заботят его больше заморочек подчиненных.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.